

Ф. И. Горепекин

МАГА-ЕРДЫ (ЯЗЫЧЕСКИЙ БОГ-ПОКРОВИТЕЛЬ У ИНГУШЕЙ)

Ингуши, населяющие Назрановский округ Терской области, оставляют нераздельную ветвь одного большого чеченского племени.

Обособляясь от своего племени, они долгое время были в стороне от того исторического движения, которое разыгрывалось во время Шамиля на чеченской территории, и где распространялся и укреплялся ислам.

По этой причине у ингушей, больше, чем у других племен Северного Кавказа, сохранились старинные верования и обычаи. Почитание предков и культ народных героев был наиболее развит. У ингушей были свои особые боги-покровители, общие как для всего племени, так и для отдельного аула и даже рода. Назывались они *Ццу* (здесь и далее курсив редакции). Боги-покровители были наделены равным могуществом и силою, но различались большим или меньшим масштабом своих действий.

Почитание богов играло громадную роль в жизни ингушей, так как они были непосредственные заступники перед Высшим Богом, по-ингушски – *Дэла, Дяла*. Все зависит от Дэла, что он захочет, то и должно быть. Дэла – Бог Всемогущий. Люди не осмеливаются обращаться к нему прямо в своих молитвах, чтобы не беспокоить. Всякое проявление его желаний или гнева исполняется через его помощников, необходимость которых вызывалась потребностями народа.

Женщины не осмеливаются произносить имя Высшего Бога, а изменяют его: *Гелой, Гела*. Старшие боги-покровители имели различные имена и им строили особые капища, называемые *Элгыць*. Из этого пантеона богов лишь о немногих имеются подробные сведения, большею же частью сохранились одни их имена*. Я приведу сведения о Мага-ерды. Элгыць этого покровителя находится в селении Салги Назрановского округа. Эльбузур Эльджеркиев, коренной житель селения Салги, авторитетный человек среди ингушей, о своем бывшем родовом боге покровителе рассказал мне следующее.

С великим именем бога начинаю это дело “*Bismi-lahip-prroxtonip-prroxim*”. Все, что я расскажу, есть большая правда. Было это очень давно, когда из Шеми² вышел человек святой жизни по имени Маго. Он любил путешествовать. В своих путешествиях Маго имел продолжительную остановку у народа *халик*, живших около моря³. Здесь один из его ближайших родственников или он сам имел неприятное дело с женщиной, почему Маго принужден был оставить ту страну и поселиться около Татартупа⁴.

Там ему жить не понравилось и он перешел дальше.

Маго был святой человек, почему и искал спокойного места, где бы мог быть в единении с богом. Из Татартупа Маго направился вверх по течению речки Армхи⁵, остановился в Могучкале и потом дошел до места, где ныне селение Салги.

Здесь он остановился на постоянное жительство на горе, что против Салги, где имел убежище для молитвы. Место это теперь называется Мага-тэ.

У Маго были жена и дети. Сам Маго был такой человек, что у него в полном послушании была змея, которая свободно ползала по полу жилища, выползала на двор и возвращалась опять на свое место. Змея эта говорила человеческим голосом и с хозяином была в большой дружбе. Была у Маго и маленькая ручная птичка (*хазилг*), а в особом сундуке находились небесные звезды.

Все они, т.е. змея, птичка и звезды приносили счастье Маго, а звездам особо были послушны все ветры. Маго любил путешествовать. Однажды он отправился в Тифлис и перед отлучкой из дома строго приказал жене и малолетнему сыну не обижать и хранить сокровища: змею, птичку и звезды.

В отсутствие отца сын играл как-то на полу в альчики (игра, целью которой было метание камушков на определенное расстояние. – *примеч. ред.*) и у него был в руках плоский камень, который он бросал в альчики. Во время игры этим камнем сын нечаянно отбил хвост проползавшей по полу змеи. Она, увидев, что лишилась хвоста и стала безобразна, бросилась на мальчика и своим ядом убила его, а затем покинула жилище Маго.

С исчезновением змеи не стало и птички, звезды покинули свой сундук, ветры не стали им уже повиноваться, и счастье Маго разрушилось.

Находясь в гостях в Тифлисе, Маго как-то видел нехорошее во сне, и на другой день, выйдя в поле, увидел, что у пасущегося козла сильно тряслась борода⁶. Это обстоятельство еще более печалило Маго. Он догадался, что дома случилось что-то неладное, так как ветер свободно ходил по свету и раздувал бо-

* Примечания Ф.И. Горепекина даются в авторской редакции.

роду у козла. Маго поспешил проститься с приветливым хозяином и вернулся домой. Хозяин был опечален уходом хорошего гостя, но, так как он и все люди знали, что дома у Маго случилось что-то неладное, не стал задерживать своего гостя.

Пройдя все лежащие на пути горы, Маго стал приближаться к своему жилищу. Душа его была очень печальна. Он, как святой человек, конечно, знал о случившемся в доме, и дабы умиловить Высшего Бога вернуть ему опять счастье, стал молиться.

Не дойдя одной или двух верст до своего жилища, Маго почти через каждые 5–10 шагов снимал шапку, становился на колени, взывал к Богу и так приближался к дому. На том месте, на горе, где впервые Маго преклонил колени, остался до сего времени след на камне, называемый *Берд-экриж-те*. Всякий проходящий мимо этого места должен был присесть на землю и этим отдать почитание. Молитва была скоро услышана Высшим Богом, и Маго заметил, что звезды с высоты спустились и стали низко над его головою, птичка летала вокруг него и приблизилась к нему змея.

Увидев змею, Маго сказал: “Не уходи от меня, забудь свою обиду, будем по-прежнему жить в дружбе, и я хвост тебе сделаю из золота”. – “Нет! – сказала змея. Хотя ты и сделаешь мне хвост из золота, но никогда не забудешь о своем сыне, так и я не забуду своего хвоста. Хотя мы и будем дружны, но все же случившееся будет приходить на память и это трудно забыть, лучше давай разойдемся”. Так они разошлись, и Маго лишился всего того, чем обладал. После этого Маго остался жить в своем избранном месте и стал молиться и читать *дя-жей* (отцовскую книжку, китаб), которую я подарил музею⁷.

Умер Маго в глубокой старости и похоронен около своего жилища. При жизни своей Маго был в большой дружбе с Сеска-Солсом⁸, который тоже похоронен рядом с Маго. После Маго остался сын Цикма, у него был сын Андре, у Андре было четверо сыновей: первый – Пош, второй – Гуй, третий – Цикма, четвертый – Чинды.

Из всех братьев Гуй отличался от других людей. Он был высокого роста, сильный, злой и двуротый⁹, т.е. в один рот принимал пищу, а в другой выбрасывал кости. Так как Гуй не был похож на всех обыкновенных людей, к тому же он был злой и сильный и никто ему не мог отомстить за обиды, и, чтобы избавиться от такого человека, братья решили продать его. Они тайно сговорились между собой и бросили жребий, чтобы определить, кому остаться дома смотреть за барантой (местное или ошибочное название овечьего стада – *примеч. ред.*), а кому отвести брата на продажу.

Жребий указал остаться дома старшему брату Пошу, а Цикма и Чинды должны были исполнить свой замысел. Чтобы увлечь за собою брата, они, обманывая его, сказали: “Гуй! Пойдем с нами к грузинам, может быть, отобьем у них табун или добудем чего-либо хорошего. Ты человек сильный, и в этом поможешь нам”.

Гуй согласился. Они втроем вышли из дома и пришли в то место, где теперь селение Казбек.

Здесь братья тайно продали Гуя и при этом поступили так.

Гуй имел привычку, что, когда сытно покушаешь, то спишь тогда крепким сном три дня, и ничто не в состоянии его разбудить, пока он не проснется сам.

И вот когда Гуй уснул, братья нашли длинную железную цепь¹⁰, кольца которой были толщиной в два пальца, и заковали ему одним кольцом ноги, а другим – шею. Проснувшись, Гуй спросил бывших с ним людей, что это значит? Ему сказали, что братья продали его и надели цепь, чтобы он не убежал. Гуй сильно обиделся на своих братьев и сказал людям: “Разве эти цепи могут меня удержать!” и преспокойно порвал цепи, а затем пошел вдогонку за своими братьями.

Придя на горы Охрой-лам¹¹, Гуй крикнул своим братьям: “Эй, где вы есть? Я не оставлю вас”. Крик этот услышали братья, сильно испугались и бросились бежать в разные стороны.

Подойдя к Мага-те, т.е. к месту, где паслись бараны Маго (а теперь покосное место от селения Салги до селения Хули и Казы), Гуй крикнул еще раз. Братья, опять услышав его голос, постарались дальше убежать от гнева своего озлобленного брата и угнали с собою баранту. В то время земли свободной было много, и она была настолько хороша и плодородна, что если комок сжать в руке, то капало масло.

Придя домой, Гуй нашел там своего брата Поша, но так как он оставался дома, то Гуй ему ничего не сделал. Цикма ушел в Цоринское общество где и укрылся (ныне селение Озди). Чинды ушел в Грозненский округ. Пош остался в Мага-те и основался в Салги, а сам Гуй пошел в Тумги. До сего времени около Тумги-Ерда стоят два каменных памятника, поставленных в память предков – Гуя и Цикма.

У Поша были сыновья: Шамиль, Тыныш, Тят, Батык, Хамч, Очик, Чарак, Ганчу, Хуликой, Эльджерко. Всего же от Маго насчитывается 14 поколений. Кто были сыновья Гуя, должны знать Тумгоевы. У Цикма были сыновья: Оздой, Бирк-хой, Машхой, Корбхой. Так как Чинды живет от нас далеко, то о его потомстве мы ничего не знаем. От Эльджерко происходит теперешний наш род – Эльджеркиевых.

Место, где жил святой человек Маго и где похоронен он, до сего времени у нас считается святым. Туда еще лет 30 назад жители села Салги ходили молиться и приносили жертвы. Место это находится на высокой горе “Маго-тэ”, что против селения Салги Хамхинского общества. Здесь, среди чудного соснового леса, на вершине высоко утеса, стоит небольшой домик, сложенный из обтесанного камня, на прочном

цементе и с крышею из шиферных плит. Он стоит на самом краю обрыва, с другой стороны обнесен невысокой каменной оградой, в которой чередуются небольшие ниши. Домик этот называется “эльгыц”, по преданию, построен самим Маго, где он и молился. Два раза в год, летом и зимою, к этому капищу жители села Салги собираются для молитвы. Посторонние допускаются лишь с согласия стариков. Когда приходит время молиться на Мага-тэ, то в селении все ожидают дня, когда случится “малх-цары-боллы-хха”, т.е. когда солнцу время из дому выходить. Старики говорят, что солнце имеет два дома: один летний, другой зимний. Когда летом бывает самый большой день, в “Манглъ-бут”, т.е. в покосный месяц (соответствующий июню), называемый “эттинъ-гий хха”, т.е. время приносить летнюю жертву, то солнце с этого дня уходит в свой зимний дом и возвращается опять через шесть месяцев в день наибольшего солнцестояния. Старики зорко смотрят, когда придет “эттинъ-гий-хха”, а узнают это они так: когда солнце даст свою тень от косяка дверей высокой башни, и эта тень ляжет на заметку другой противоположной башни, то с этого момента время дня уменьшается и, следовательно, настало время молиться. К этому празднику для жертвоприношения откармливались бараны в каждой семье, приготавлилось пиво и арака (водка. – *примеч. ред.*), как только крикун (муэдзин. – *примеч. ред.*) объявит о времени молитвы, то в каждой семье женщины готовили из чистой пшеничной муки четыре круглые лепешки с сыром и маслом и одну такую же, но треугольную (*боджль*).

Когда прокричит крикун второй раз, то все жители выходят на край селения. Здесь старшие в семье становятся вместе впереди, а все остальные сзади, имея принесенные с собою чашки с пивом. Все старшие в семье должны были выходить к сборному месту с особыми для сего случая палками (посохами) в руках, которые строго хранились в каждой семье. Став таким образом, все присутствующие, сняв шапки и обратясь лицом к своему святилищу Мага-тэ, выслушивают молитву, причем старшие в семье держат в руке палку, а в другой – чашку с пивом или аракой. Молитву произносит вслух один из старших или особый человек жрец (цаин-саг), одетый непременно в белый халат.

Цаин-саг, подняв руки вверх, громко, речитативом и с ударами в некоторых местах произносит молитву, причем, стоящие позади старшие все хором¹² в такт выкрикивают “о-оччи”.

Молитва бывает собственной импровизацией жреца, в ней он старается показать свое красноречие и в общем испрашивает через своего покровителя – “Ццу” дожди в засуху, избавление от болезней людей и скота и т.п.

Когда молитва окончена, то каждый из старших отпивает из своей чашки пиво и передает ее членам своей семьи, которые делают это тоже по очереди, и все расходятся. Цаин-саг в белой одежде и старшие идут с палками в руках на гору к своему святилищу, а все остальные домой за жертвенными припасами и животными. При приближении к святилищу мужчины снимают шапки, благоговейно заходят во двор и ставят свой посох в эльгыц.

Эльгыц, как сказано выше, окружен каменной оградой, образуя двор. В этот двор могут заходить лишь мужчины, но в самое святилище заходят только старшие в роде и жрец.

Внутри эльгыца находится всегда громадный чугунный котел¹³ (признак культа домашнего очага), посвященный святому и служащий для варки пищи во время жертвоприношений, рога жертвенных домашних животных, а также туров, оленей, диких коз, принесенных охотниками святому покровителю за счастливую охоту, особые деревянные кубки, почерневшие от времени. Самую же достопримечательную святыню эльгыца составляли: особое знамя (*нычь*¹⁴), черный камень и *дя-жей*, или *Магажей*, т.е. отцовская святая книга, книга Маго. Женщины из уважения к такой святыне и вообще к святому не называли его прямым именем Маго, а “Каго”, и книгу эту называли “Каго-жей”.

Знамя представляло собой длинную, до сажени, палку с подвешенными на ней медными колокольчиками и белым куском материи (флагом). Верхняя часть древка заканчивалась тремя одинаковой величины сучками, выходящими из одного места, а само древко было украшено симметрично расположенными нарезками. Знамя это постоянно находилось в эльгыце, и его, как святыню, никто не осмеливался трогать, кроме старших в роде или цаин-сага. Выносилось оно из святилища лишь в трех случаях, когда устанавливались вновь или отыскивались старые знаки владений земельных участков, и тогда жрец выносил знамя, держа его на плече и не смея коснуться им земли. В том месте, где ставилось на землю знамя, учреждался граничный знак.

Против этого уж никто и никогда не смел спорить, так как граница была обозначенная как бы при участии самого покровителя Ццу, следовательно, знамя имело в этом случае значение фетиша.

Точно так же, если был неурожайный год, то в поле выносилось знамя. Тот участок, где ставилось на землю знамя, считался счастливым, так как его посетил святой покровитель, поэтому хозяин тут же резал барана в жертву. Третий случай имел такое значение.

Жрецам приписывался дар ясновидения. Последним из таких жрецов в селении Салги был Палий Ораков. Если жрец видел иногда во сне, что какой-либо род виновен перед святым покровителем и, следовательно, он требует жертвы, то жрец брал нычь и нес на пашню провинившегося, водружая его там в землю.

Все селение мигом сходилось к знамени, сняв шапки, узнавали причину, и хозяин поля, зарезав животное, сейчас же приносил умиловительную жертву.

Во всех случаях, когда приносилось знамя, все присутствующие и жрец были без шапок.

Черный камень, величиною почти в две ладони, имел ту особенность, что на нем было пять ямок. Ямки располагались симметрично, причем одна из них больше остальных. Сам камень гладко отполирован, имеет форму круглой плитки.

Откуда этот камень принесен в святилище – неизвестно, но только такой природы камень салгинцы у себя в горах никогда не встречали.

При своем малом объеме камень очень тяжел.

Употреблялся же он лишь во время празднеств (так как тогда и можно было посещать эльгиц) для испытаний на зрелость или совершеннолетие мальчиков-подростков.

Происходило это так.

Испытуемый мальчик вкладывал свои пальцы в углубление камня и старался его поднять. Чьи пальцы точно располагались по ямкам и заполняли их, и при этом испытуемый мог поднять камень, его принимали в общество взрослых. Маловозрастные сделать этого не могли, а кому было приблизительно от 16 до 18 лет, те часто выполняли испытание, что при гладкой шлифовке ямок сделать было трудно. Здесь вполне оправдывалось русское выражение “руки недоросли”, т.е. еще мал и выполнить этого не может.

Книга, находившаяся в святилище, по уверениям, принадлежала самому Маго.

Что в ней было написано и на каком языке, салгинцы не знают. Она заключает в себе непонятное, при торжествах применения не имела, поэтому именно она, как собственность святого Маго, постоянно находилась в святилище, и к ней, кроме жреца и старших в роде, никто не прикасался.

Таким образом, собравшись старый и малый около своего святилища, принеся сюда лучшую пищу и животных, жрец открывал трехдневное торжество.

Перед началом его жрец произносил общую для всех уже краткую молитву, испрашивая благоволения на принесение жертвы; затем режутся жертвенные животные, и мясо варится в котле, взятом из святилища. До начала принятия пищи каждый из старших в семье часть жертвенных даров с восковой свечой в руках вносит в эльгиц. Пища передается стоящему здесь жрецу, а свеча там же зажигается и ставится в особой нише эльгица. От каждой семьи жрец или заменяющий его почетный старик получает печенку, сердце и часть ноги жертвенного барана, часть треугольной лепешки и по две сдобных. Когда окончатся приношения, то старики размещаются на особых сиденьях-камнях, расположенных вокруг стены.

Перед старшими ставится пища, и каждый из старших, стоя с обнаженной головой и держа в одной руке баранью голову и часть треугольной лепешки, а в другой специально приготовленный для торжества деревянный кубок с пивом, произносит молитву, обращенную к своему покровителю. Затем из своих рук дает откусывать одному из членов своей семьи. Кому это бывает предложено, тот, сняв шапку, откусывает вареное ухо на бараньей голове, отпивает пива и закусывает лепешкой, а затем передает другим. После всего этого начинается трехдневный пир.

Женщины пируют тогда, когда насытятся мужчины.

После обильной пищи и возлияний молодежь затевает танцы. На ночь все уходят домой, а оставшуюся пищу оставляют под охраной своего цу. В другие два дня такого торжества уже не происходит, а лишь проводят время в принятии пищи и танцах. Впрочем, если жертвенного мяса не хватит на три дня, то режут вновь, но тогда поступают так.

В каменной стене, служащей оградой храма, находятся небольшие отверстия, похожие на двери.

Через эти отверстия позволяют мальчикам проникнуть во двор святилища, но с условием, чтобы, пролезая через отверстие, не задеть пальцами или пяткой ноги за камень, служащий порогом. С кем это случилось, родственники того мальчика приводили барана для жертвы, так как обидеть своего покровителя было нельзя, мальчик же потом испытывал на своей спине крепость отцовской палки.

Если желали когда-либо принести салгинскому ццу жертву люди других селений, то они в эльгиц не допускались, хотя с согласия старших им отводилось особое место для жертвоприношения. Особое исключение делалось лишь для Тумгоевцев, так как они происходили от Гуя, потомка Маго.

То же самое происходило и во время зимнего жертвоприношения, но лишь с той разницей, что когда около селения произнесется молитва и чаши с пивом передадутся членам семейств, то потом старшие в семействе начинают метать свои посохи.

Посохи эти обыкновенно делались высотой немногим меньше роста среднего человека и непременно из липового дерева, нижний конец их делался острым и оковывался железом.

На этих палках после каждого жертвоприношения делались нарезки, как на древках ныча.

Палка составляла родовую собственность и переходила по смерти отца к старшему в семье. Палки хранились обыкновенно под крышею сакли. Таких палок, говорит Эльджеркиев, у них было три. Одна их собственная родовая, а две принадлежали почитателям салгинского ццу, проживающим в других селениях. Собственная их палка имела многогранную форму, и вся была покрыта нарезками. Каждый старший в

роду делал свои нарезки на определенной грани, следовательно, многогранная форма и обилие надрезов указывали на продолжительность существования его рода, а количество надрезов (по числу принесенных жертв) составляло видимое покровительство своего ццу. Метание посохов происходило так. Самый старший из всех или же жрец, бросал свою палку первым и старался кинуть ее как можно дальше.

Палка бросалась так, как бросалось копые, т.е. острым концом вперед.

За ним бросают все остальные, по очереди, и должны были стараться попасть ими в брошенную палку первого человека, непременно стараясь разбить ее. Если все бросили в палку первого и не разбили ее, то тогда бросали палки снова. Во вторую очередь первым бросал уже второй по старшинству лет. Если его палка не разбивалась, то так продолжалось дальше по очереди до тех пор, пока чья-либо палка не разбивалась. Если это случалось, то в доме обладателя этой палки должно было случиться несчастье.

После метания палок все старшие в роду отправлялись уже к элгыцу и ставили в него свои палки на все три дня праздника. Палки обновлялись лишь в том случае, если во время метания старая была разбита, тогда уж на новой палке новый старший в роду делает свои жертвенные отметки.

Зимою в элгыц ходили лишь взрослые мужчины, а дети и женщины большею частью оставались дома, так как бывает холодно, а они не всегда имеют теплую одежду.

Так было лет 30 тому назад, – закончил свое повествование Эльбузур.

Старина в то время была еще в памяти многих, и соблюдались старые порядки. В настоящее время салгинцы – убежденные магометане, сам Эльбузур получил от кумыкских мулл мусульманскую ученость. О прошлом своем молодое теперешнее поколение уже не знает. Ингуши теперь стремятся расселиться на равнину для более обеспеченной жизни.

Здесь, сталкиваясь с разноплеменным населением, расширяют представление о современной окружающей жизни, а в религиозном отношении тяготят к магометанству, распадаясь даже в понятиях на отдельные секты, из которых секта зикристов-прыгунов имеет даже перед другими перевес. Таким образом, в настоящее время салгинский элгац заброшен, как и другие. Некоторые уничтожены зикристами, а Тхаба-ерды и Мятцели обращены в загоны для баранты. Мне рассказывал офицер из ингушей, что в былое время он с товарищами отрывал листки из священных книг в Тхаба-ерды и пускал их с горы, развлекаясь полетом священных листков.

Жертвенный котел в Салги разбит, а все остальные достопримечательности Мага-ерды – древко от знамени, кубки, черный камень, книга и предметы из могильных раскопок близ Эльгица собраны секретарем Терского областного статистического комитета Г.А. Вертеповым и хранятся с фотографией самого элгыца в особой витрине Терского областного музея. Наконец, последний жрец у ингушей из селения Шань заменил белую жреческую одежду на зеленый халат и феску хаджи и спокойно доживает свои дни убежденным магометанином.

Примечания

¹ Желаящим ближе ознакомиться с древне религиозными верованиями ингушей рекомендуются исследования Б. Долгота “Первобытная религия чеченцев”. Исследования эти вошли во вторую книгу Терского Сборника за 1894 г. издание Терского областного статистического комитета.

² Чеченцы и ингуши считают себя выходцами из Шами или Шеми. Это древнее название, по мнению одних, города Дамаска, а других – вообще страны Сирии.

³ Народ халибы (Chalibes), по свидетельству греческих и римских историков, обитал на юго-восточном побережье Черного моря вместе с древними оссами и киммерийцами. Отличительная черта халибов, придавшая им громкую известность в глазах всего древнего мира, заключалась в том, что они были рудокопы, ковачи, искусные делатели железа и стали. У греков и римлян Chalubs означало сталь. Во времена Ксенофонта халибы укрепили свое господство с помощью оружия из железа и, как настоящие варвары, отрубали головы своим врагам. Во времена Страбона многие города халибов лежали в развалинах, как, например, главный город Pharnacia.

⁴ Татартуп – буквально: “подошва или низменность татар”, в переносном смысле – стоянка татар. Татартуп находится вблизи железнодорожной линии Ростов – Владикавказ между станциями Змейкой и Эльхотово.

На этом месте стоит высокий кирпичный минарет, носящий название Джулат, вокруг которого находится множество ям, указывающих, что тут когда-то жили люди. В конце прошлого столетия еще видны были развалины мечети, башен, двух церквей; в одной из которых академик Гюльденштедт мог еще различить изображение Богородицы.

Произнесенная на Татартуп клятва считалась у кабардинцев и чеченцев священной.

Ближайшие к этому месту осетины до сих пор боятся Татартупом. Теперь вокруг минарета казаки сажают огурцы.

⁵ Речка Армих с правой стороны впадает в Терек, против Джейраховского укрепления на Военно-Грузинской дороге.

⁶ В статье Кавказского ботаника Н. Альбова “Ботанико-географические исследования в Западном Закавказье в 1893 г.”, помещенной в XVI книге Записок Кавказского отдела Императорского Географического общества, стр. 144, 145, помещен рассказ о цаннах. Там указывается такое же обстоятельство: у козла тряслась борода. Повторение этого случая в далекой Абхазии, по-видимому, говорит о том, что они имеют один источник, тем более что Маго жил у халибов, страну которых теперь населяют Абхазцы. В рассказе Эльбузура мы отмечаем один из вариантов рукописи Н. Семенова, помещенный в книге “Туземцы северо-восточного Кавказа” или в общем отрывке об отдаленном прошлом ингушей. Рассказ Н. Альбова о цаннах приводится в литературе впервые, поэтому я ввиду особого интереса, приведу его полностью.

В Абхазии, от Бзыби до Ингура, почти на всех горах, на высоте от 7000 до 7500 м. можно встретить оригинальные постройки Цани-гваро (постройки-ограды цанниев). Они имеют вид низеньких оград, грубо сложенных из камней, без всякого цемента. Они расположены то в виде четырехугольника, иногда разделенного еще на отделения, то в виде неправильного круга. Часто они находятся в полуразрушенном состоянии, и тогда их не трудно смешать с обыкновенными осыпями камней, хотя все-таки искусственный их характер выдается их правильным расположением. Так как постройки эти имеют мало типичного, то я, да и всякий другой наблюдатель, склонен был бы считать их за простые ограды, устроенные пастухами для своих стад, если бы у туземцев не существовало о происхождении их предание, которое слово в слово повторяется как в Северной Абхазии, так и в Абжра (Кодорской в Абхазии) и Самурзакани. Предание это гласит следующее. В очень давнее время на этих горах жили карлики, принадлежавшие к роду цань (по абхазскому произношению) или *цанна* (по-самурзакански). Они занимались натуральным хозяйством и построили эти ограды для своих стад и для себя. Тогда на земле было еще то блаженное время, когда не существовало ни дождя, ни снега, ни ветра, ни холода, и не было различия между днем и ночью, солнце вечно сияло на безоблачном небе, и цанниам вовсе не было холодно на этих высотах, которые теперь доступны для обитания лишь в течение трех летних месяцев. Цаннии не знали употребления огня и питались молочными продуктами своих стад и сырым мясом. Воду они брали из ручьев, бежавших из подземных родников. Цаннии были очень нечестивый народ, который совсем не признавал существования Бога. И вот Бог разгневался на цанниев за их неверие, решил достойно наказать их. Однажды цаннии сидели, собравшись в кружок в своих оградах. Вдруг один из них заметил, что у козла, стоявшего неподалеку на скале, стала шевелиться борода. Это был ветер, который Бог впервые послал на землю. Ветер нагнал на небо черные тучи, которые заслонили от цанниев солнце. Затем с неба стали падать хлопья ваты, которые покрыли землю точно снегом. После того Бог послал на землю огонь, который воспламенил вату и вместе с нею сжег нечестивых цанниев.

⁷ В Терском сборнике за 1904 г. в статье “В горах Кавказа” Г.А. Вертепова, стр. 118, между прочим, указывает, что в 1896 г. господин Вертепов узнал обладателя священной книги, бывшей в Тхаба-ерда: за небольшое вознаграждение обладатель уступил все сохранившиеся листы. Это оказался псалтырь, писанный от руки на пергаменте древнегрузинским языком.

Вследствие убедительной просьбы нашего повествователя, Эльджеркиева Эльбузура, и ценных с его стороны сведений, я для объяснения дела в сообщении господина Г.А. Вертепова введу необходимую поправку. Приобретенная священная книга, оказавшаяся впоследствии псалтырем, принадлежала не храму Тхаба-ерда, а Мага-ерда и передана она была Эльджаркиевым для Вертепова через другое лицо без всякого вознаграждения. Эльджеркиеву за пожертвование даже дана письменная благодарность от Терского областного статистического комитета. В храме Тхаба-ерда тоже были священные книги.

Офицер из ингушей Пошев, рассказывал, как он отрывал листки и бросал с высоты в воздух, любуясь их полетом. Грузинские историки М.Г. Джанашия “История грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России” свидетельствуют, что в одном найденном манускрипте сказано, что святитель католикос Евфимий, во время царствования Георгия V Блистательного в Грузии (1318–1346 гг.) обозревая свою паству, видел храмы в Анцухе и церковь рода Хундзи, народа Нахче, Тошети. Этот блаженный Евфимий приказал Курмухскому архиепископу и председателю всего нагорья, Квириле Донаури, во все (20) вышеозначенные церкви послать по Евангелию; и он, архиепископ Квириле Донаури, списки Евангелия, писанные священником селения Какием Китиашвили и 12 его учениками, послал по всем церквям, монастырям, руководителям семи школ – приказывает преподавать в оных школах веру истинную, философию, жития отцов, церковную жизнь (историю) Грузии и Албании.

Да вспомоществует бог непобедимому царю Георгию Блистательному, стараниями которого еще более усилилось христианство среди горцев и опять утвердилось единство Грузии. Аминь. Писано сие месяца 5 марта 1333 года.

⁸ Сеска-Солса – главный нарт у чеченцев, которого Бог наделил неземными качествами. Он, по преданию, был сыном Божиим и непосредственно от него произошел. Чах Ахриев полагает, что это Иисус Христос. Нарты же ингушей были рыцарями, защитниками слабых, в высшей степени добры и нравственны, а потому неудивительно, что слово нарт стало нарицательным именем Ингуш, когда хотят выразить сильную хвалу кому-либо, говорят так: “нарт санна ва из”, т.е. он молодец, как нарт, он добр, как нарт.

⁹ Под двуротым (*вамполж*) надо разуместь зобатых, эта болезнь может быть действительно существовала среди ингушей, как существует еще и теперь на Кавказе.

¹⁰ Подобную цепь можно видеть в терском областном музее. Цепь и подобный способ заковки были употребительны при Шамиле.

¹¹ Охрой лам – скалистый хребет, идущий в направлении от Дарьяльского укрепления до горы Шань и служит водоразделом горных речек Кистинки и Армхи.

¹² Потребляемые ингушами молитвенные припевы: “я *отча-ой, о-оче-о-оче, гай, гелой, гелой, гелой, уолай и дела, дела*” имеют древнее аравийское происхождение, но с течением времени изменившееся в произношении (тем более, если они были позаимствованы) или же неправильно записаны (Б. Долгат, Г. Вертепов и др.).

Известно, что арабы до Магомета были язычники, признавали Бога (Аллаха), но в то же время поклонялись и ложным божествам. Джибта, Магута – имена божеств или храмов арабских. Арабы боготворили Аль-оцца, Аль-лат. Магомет, читая однажды Коран и предлагая вопросы: что такое Аль-оцца и Аль-лат, по рассеянности ответил сам себе: прекрасные и достойные девушки, которых нужно обожать. Язычники, услышав это, тотчас же простерлись перед ним. Тогда Магомет заметил свою ошибку. (“Коран” переведенный с французского Казимирским. Москва, 1865 г. изд. Шамова). Для уяснения дальнейшего, надо сказать, что Мятцели ингушей и Майрем осетин совершенно одинаковы: это богиня животворной силы, плоти и разврата. По свидетельству Диодора Сицилийского, у древних египтян существовала богиня животворной силы по имени Maath. Ливийские амазонки в Малой Азии называли основанный ими город Maath, у каппадокийцев из Maath произошло Ма.

У ингушей сохранилось название святого, праздника и всех атрибутов – Мятцели или Маат-Вацилла, главное божество древности.

Осетинский Вацилла то же, что Вахк – бог разврата и Майрем – Ма, Maath. В древности Вахк, Вацилла (разгул и вино) и Anaitis, то же что Astarte или Ма (животворная сила, но и разврат.) Возникнув в Аравии и Ливии, после долгой борьбы они впоследствии заключили союз между собою и были признаны главным божеством на Кавказе. Аравийский обряд почитания этих божеств был главным у семитических народов Сирии, Вавилонии и Ассирии. Ливийская же вера водворилась преимущественно у индоевропейских племен, сначала в Ливии, в Малой Азии, потом в Греции, Италии и т.д.

У осетин слово Maath сохранилось в названии Мат-хох (столовая гора близ Владикавказа) и Астарте (гора в Дигории), у ингушей Мятть-ламь и Мятта – та же столовая гора, на которой совершается празднество. Какие глубокие корни в древности пускала на Кавказе древне семитическая религия Вацилла и Ма (что по существу одно и то же), видно из археологических находок. Идолы этого божества, из бронзы и глины, изображались в отвратительных страстных позах и носились, как амулеты при себе в кармане. Подобные фигурки есть в Терском областном и Кавказском музеях.

Название праздника Мятцели и его происхождение ингуши объяснить не могут, исследователи же почему-то склонны приурочить к имени божьей матери – Марина. К этим божествам обращаются, главным образом, женщины и девушки. Ингуши призывают свое божество: “Я *отча-ой, гелой, гелой и уолай*”. Правильное и ближе к действительности, как и у хамкинцев: *о-отчи, гела, гела* и у осетин *еле (геле)* эти возгласы надо признать однозначными с “*о-отца, о-гела*”, а это воззвание к древнему языческому арабскому божеству Аль-отца или Отца. Гела-же и дела-же дядя у ингушей и ели (гели) осетин, однозначны с возгласом Аллах, Аллах (Боже, Боже). Произношения названных народностей с течением времени изменилось. Таким образом, значение древних аравийских божеств для современных ингушей стало непонятным, сохранялась лишь боязнь наказания от божества, поддерживаемая ревностно жрецами ради корысти, поэтому при усиленном распространении магометанства, осуждающем идолопоклонство, связи рушилось.

¹³ Там, где семейный культ сохранился во всей силе, огонь, котел, цепь, сажа, зола считались священными, так как было верование, что умерший и предки присутствовали в доме и участвовали в трапезе его членов.

¹⁴ Подобное знамя (хоругв) существует доселе у христиан хевсур, тушин и других.

M.S.-G. Albogachieva. Foma Ivanovich Gorepekin: The Sympathizer of the Ingush People

The article discusses the life and work of Foma Ivanovich Gorepekin, an amateur ethnographer of the early twentieth century who studied customs, folklore, languages, and material culture among the peoples of the North Caucasus. The article is supplemented by Gorepekin's own essay “Maga-Yerdy”, which describes old customs among the Ingush. The article and the essay shed light on the activities of the Russian intelligentsia among non-Russian peoples at the turn of the nineteenth–twentieth centuries.